

и не будем позволять ему отвлечь нас от настоящего, словно в прошлом была история, а теперь ее уже нет. Мы перекроем эти каналы, через которые утекает богатство, забрав обратно собственность на недра и городскую землю, как это уже сделали некоторые сообщества в Британских доминионах и континентальной Европе. Мы обеспечим, чтобы такие большие скопления богатства, какие еще остаются, переходили в другие руки по крайней мере раз в поколение, повысив наши налоги на наследование до такого предела, чтобы переходящее в собственность наследника немногим превышало в размерах его личное имущество и чтобы он не наследовал право взимать дань с индустрии, которое, хотя и ограничиваемое налогом на наследство, сын богатого человека сегодня наследует. Короче говоря, мы поступим с владельцами недр и отсутствующими землевладельцами так, как Платон поступил бы с поэтами, на которых, с их способностью делать что-то из ничего и околдовывать людей словами, они немного похожи: мы возложим им на головы венки из цветов и вежливо выпроводим из нашего Государства.

Перевод В.Г. Николаева

Ю. ХАБЕРМАС

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

(предисловия к 1 и 3 изданиям)

Предисловие к первому изданию*

Немногим более десяти лет назад, в предисловии к «Логике социальных наук», я пообещал разработать теорию коммуникативного действия. Тем временем, методологический интерес, который я первоначально связывал с «лингвотеоретическим основанием социальных наук», уступил место субстанциальному. Теория коммуникативного действия — это не метатеория, а начало теории общества, которая стремится к тому, чтобы предъявить свою критическую мерку. Я не рассматриваю анализ всеобщих структур ориентированного на согласие действия (*verständigungsorientierten Handelns*) как продолжение теории познания с помощью других средств. Теория действия, разработанная Т. Парсонсом в 1937 году в «Структуре социального действия», с характерной для нее связью историко-теоретической реконструкции и анализа понятий была для меня, несомненно, образцом; но, вместе с тем, она ввела меня в заблуждение из-за своей методологической направленности (*Ausrichtung*). Формирование основных понятий и решение субстанциальных вопросов образуют, вполне в гегелевском духе, нерасторжимую связь.

Первоначальное предположение, что я должен был только разработать прочитанные в Принстонском университете в 1971 году лекции о Кристиане Гауссе, которые я хотел опубликовать по другому поводу, оказалось ошибочным. Чем больше я углублялся в теорию действия, теорию значения, теорию речевых актов и им подобные разделы аналитической философии, тем больше за частностями терялась из виду цель всего предприятия. Чем больше я пытался зани-

* Перевод выполнен по изданию: Jürgen Habermas. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 7-11. — Прим. переводчика.

маться философской экспликацией, тем больше я отдалялся от того, что могло бы заинтересовать социолога, который должен был спрашивать, к чему предназначен такой анализ понятий. Я должен был для трудностей, связанных с тем, что я хотел сказать, найти верную плоскость изложения (*Darstellung*). Проблемы изложения, как мы знаем после Гегеля и Маркса¹, не являются внешними по отношению к самому изображаемому предмету. В этой ситуации для меня был важен совет Томаса Маккарти, побудивший меня приступить к новому исследованию.

Книгу в ее настоящем виде я написал в течение последних четырех лет, с перерывом только на семестр, когда я в качестве гостевого профессора преподавал в США. Основное понятие коммуникативного действия я разработал в «Первом промежуточном размышлении». Оно открывает доступ к трем комплексам пересекающихся друг с другом тем: сначала речь идет о понятии коммуникативной рациональности, которое развивается достаточно скептически, но противостоит все же когнитивно-инструментальным усеконам (*Verkürzungen*) разума, затем о двухступенчатой концепции общества, которая связана с парадигмами жизненного мира и системы отнюдь не только риторическим способом, и, наконец, о теории модерна, которая объясняет тип ныне все более явственно выступающих социальных патологий предположением, что коммуникативно структурированные сферы жизни подчинены императивам ставших самостоятельными формально организованных систем действия. Теория коммуникативного действия, следовательно, должна сделать возможной концептуализацию общественной жизненной связи, приспособленную к парадоксам модерна.

Введение обосновывает тезис, что проблематика рациональности отнюдь не вносится в социологию извне. Для *любой* социологии с притязаниями на создание теории общества проблема применения (всегда нормативно содержательного) понятия рациональности существует на трех уровнях. Она не может уклониться ни от метатеоретического вопроса об упрощении рациональности ее ведущими понятиями действия, ни от методологического вопроса об упрощении рациональности осмысляющим (*sinnverstehenden*) подходом к сфере объектов, ни, наконец, от эмпирико-теоретического вопроса, в

каком именно смысле модернизация обществ может быть описана как рационализация.

Систематическое усвоение истории теории помогло мне найти уровни интеграции, на которых сегодня могут быть научно плодотворными философские интенции, развернувшиеся от Канта до Маркса. Я рассматриваю Вебера, Мида, Дюркгейма и Парсонса как классиков, то есть как теоретиков общества, которые еще могут нам нечто поведать. Вставленные в эту главу экскурсы посвящены систематическим вопросам, так же, как и введение, и оба «Промежуточных размышления». «Заключительное размышление» объединяет историко-теоретические и систематические исследования. Оно, с одной стороны, придает большую основательность предложенному толкованию модерна в связи с тенденциями возрастания роли права и, с другой стороны, уточняет задачи, которые сегодня ставит критическая теория.

Исследование, которое без смущения (*ohne zu erröten*) использует понятие коммуникативного разума, сегодня подвергается подозрению в связи с опасностью попасть в сети фундаментализма. Но предполагаемое сходство формально-прагматического подхода с классической трансцендентальной философией ведет по ложному следу. Читателям, которые придерживаются соответствующих подозрений, я рекомендую вначале прочесть заключительный раздел². Мы не смогли бы удостовериться во внутренней рациональной структуре ориентированного на согласие действия, если бы уже не располагали — конечно, только фрагментарно и искаженно — существующими формами разума, указывающего на символическое воплощение и историческое ситуационирование³.

Мотив, связанный с современной конкретно-исторической ситуацией, лежит на поверхности. Западные общества приближаются с конца 60-х годов к состоянию, в котором наследие западного рационализма не является более бесспорным. Стабилизация внутренних отношений, которая была достигнута на основе компромисса, характерного для социального государства (в особенности ярко, вероятно, в Федеративной Республике Германия), теперь требует растущих социально-психологических и культурных издержек; кроме того, все силь-

¹ M. Theunissen, *Sein und Schein*, Ffm., 1978.

² Siehe Bd. 2, S. 586 ff.

³ По поводу отношения истины и истории сравни: Castoriadis C. *Durchs Labyrinth*. Ffm., 1981. S. 16 f.

ней осознается временно отодвинутая, но не преодоленная неустойчивость в отношениях между сверхдержавами. При теоретическом осмыслении этого феномена речь идет о субстанции западных традиций и импульсов (Inspirationen).

Новые консерваторы могли бы любой ценой крепко держаться за капиталистический образец экономической и общественной модернизации. Они ставят на первое место экономической рост, поддерживаемый, но и в то же время в растущей степени тормозящийся компромиссом социального государства. Они ищут убежище от социально дезинтегрирующих последствий этого роста в лишенных корней, но риторически заклинаемых традициях обывательской культуры. Трудно понять, как получило новый стимул обратное движение проблемы, которая еще в конце XIX века была вполне обоснованно переложена с плеч рынка на плечи государства, следовательно, как получили новый стимул беспрестанные перемещения проблемы между опосредствующими инстанциями власти и денег. Еще менее состоятельна попытка обновить на основе исторически просвещенного сознания подушку (Polster) традиций, уничтоженную капиталистической модернизацией. Неоконсервативная апологетика отвечает на времена антимодернистски заостренную критику роста, которая направлена против избыточной комплексности (Überkomplexität) экономических и административных систем действия, равно как и против приобретенной автономности гонки вооружений. Опыт колониализации жизненного мира, которая смогла бы в духе приверженности традициям остановить и смягчить другие стороны, ведет с этой стороны к радикальной оппозиции. Но когда эта оппозиция обостряется до требования преодоления дифференциации любой ценой, происходит игнорирование важного различия. Ограничение роста денежно-административной комплексности (Komplexität) ни в коем случае не является столь же значимым, что и предоставление произволу современных форм жизни. В структурно дифференцированных жизненных мирах выражается потенциал разума, который не может быть выражен в понятии увеличения системной комплексности.

Это замечание касается, правда, только мотивационной подоплеку (Hintergrund), а не собственно темы. Я написал эту книгу для тех, кто питает профессиональный интерес к основам теории общества. Цитаты из еще не переведенных англоязычных произведений даны

на языке оригинала. Над переводом цитат с французского языка потрудились Макс Лоозер, которому я весьма признателен.

Моя первая благодарность — Инге Петран, которая подготовила различные редакции рукописи и указатель литературы; это, конечно, только одно звено в цепи десятилетнего тесного сотрудничества, без чего я бы был беспомощен. Я также благодарен Урсуле Херинг, которая помогла мне в обеспечении литературой, равно как и Фридриху Херборту из издательства «Suhrkamp».

Книга основана, среди прочего, на лекциях, которые я читал во Франкфуртском университете и в Калифорнийском университете (Беркли). Я благодарен моим студентам, равно как и моим коллегам из этих университетов и, прежде всего, Карлу-Отто Апелью, Дику Бернштейну и Джону Сёрлю, за вдохновлявшие меня дискуссии.

Если моему изложению, как я надеюсь, присущи ярко выраженные дискурсивные черты, то это только отражает уровень аргументации нашего рабочего круга в Штарнбергском институте. В коллоквиумах, которые проходили по четвергам с участием Манфреда Аувертера, Вольфганга Бонсса, Райнера Дёберта, Клауса Эдера, Гюнтера Франкенбергера, Эдит Кирш, Зигфрида Мейшеля, Макса Миллера, Гертруды Нуннер-Винклер, Ульриха Рёделя и Эрнста Тугендхата, с большой пользой для меня обсуждались различные части рукописи; Эрнсту Тугендхату, кроме того, я благодарен за исчерпывающие аннотации. Поучительными для меня были беседы с коллегами, которые долгое время работали в институте, — Йоганном Паулем Эрнессоном, Шейлой Бенхабиб, Марком Гоулдом и Томасом Маккарти — или регулярно посещали его, как Аарон Сикурел, Хельмут Дюбиль, Чарльз Тейлор и Альбрехт Веллмер.

*Институт социальных наук имени Макса Планка
Штарнберг, август 1981. Ю.Х.*

Предисловие к третьему изданию*

Подготовка нового издания книги пришлось на то время, когда ее серьезное восприятие в целом уже состоялось. Первые отклики недовольствия и непонимания уже отзвучали; то же касается взвешен-

* Перевод выполнен по изданию: Jürgen Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 3-6. — Прим. переводчика.

ной полемики⁴ и даже оборонительного рефлекса⁵ предметных дискуссий⁶ среди специалистов. В критике выделяются направления, которые в современном контексте не могут быть неожиданными. Философия сознания защищается против начавшегося изменения парадигмы и, в особенности, феноменологическая концепция жизненного мира — от попытки ее переформулировки⁷ в духе теории коммуникации. Ричард Рорти обратил свою мысль против универсалистского притязания, в соответствии с которым должна была бы быть осуществлена реконструкция понятия разума в духе коммуникативной рациональности вопреки повороту от обосновывающего фундаментализма (*Begründungsfundamentalismus*) традиционной трансцендентальной философии⁸. Т.Маккарти обращает часть гегелевского наследия против процедурного понятия рациональности и в то же время не удовлетворяется разным проявлением разума в различных комплексах рациональности и соответствующих аспектах значимости (*Geltung*)⁹. В этом контексте дана также обновленная критика этического формализма, то есть защита нравственности против обыденной моральности¹⁰. Х.Шнедельбах активно выступает за описательное использование понятия рациональности и оспаривает нормативные импликации

⁴ Breuer St. Die Depotenzierung der kritischen Theorie, *Leviathan*, 10, 1982, 133 ff.; Vollrath E. J.Habermas' fundamentalistischer Fehlschluss, *Der Staat*, 22, 1983, S. 406 ff.

⁵ Bubner R. Rationalität und Lebensform, in: ders., *Handlung, Sprache und Vernunft*, Ffm., 1982. S. 295 ff.; Luhmann N. Autopoiesis, *Handlung und kommunikative Verständigung*, in: *Z.f. Soziologie*, Jg. 11, 1982. S. 366 ff.; Münch R. Von der Rationalisierung zur Verdinglichung der Lebenswelt, *Soz. Revue*, Jg. 5, 1982. S. 390 ff.

⁶ Brunkhorst H., *Paradigmakern und Theoriedynamik der kritischen Theorie der Gesellschaft*, *Soz. Welt*, Jg. 34, 1983, 22 ff.; ders., *Kommunikative Vernunft und rächende Gewalt*, *Sozialwiss. Literatur-Rundschau*, H.8/9, 1983, 7 ff.; Giddens A. *Reasons without Revolution?* *Praxis International*, 1982. Vol. 2. S. 318 ff.; Misgeld D. *Critical Theory and Sociological Theory*, *Philos. Soc. Science*, 14, 1984. S. 78 ff.; Nuranger T. *Normativiteten hos Habermas*, in: J.E.Andersen, H.J.Schanz, P.Stounbjergs (Eds.), *Det Moderne*, Aarhus, 1983. S. 68 ff.; Rasmussen D.M. *Communicative Action and Philosophy*, *Philos. and Social Criticism*, 1982. Vol. 9. S. 1 ff.; Thomson J. *Reading and Understanding*, *TLS*. 8 Apr. 1983.; Wellmer A. *Reason, Utopia and the Dialectic of Enlightenment*, *Praxis International*, 1983. Vol. 3. S. 83 ff.

⁷ Matthiessen U. *Das Dickicht der Lebenswelt und die Theorie des kommunikativen Handelns*. München, 1983.

⁸ Rorty R. Habermas and Lyotard on Postmodernity, in: *Praxis International*, 1984. Vol. 4. S. 32 ff.

⁹ McCarthy Th. *Rationality and Relativism*, in: J.B.Thompson, D.Held (Eds.), *Habermas – Critical Debates*. London, 1982. S. 57 ff.; ders., *Reflections on Rationalization in the Theory of Communicative Action*, in: *Praxis International*, 1984. Vol. 4. S. 177 ff.

¹⁰ Bubner R. *Rationalität, Lebensform und Geschichte*, in: H.Schnädelbach, *Rationalität*, Ffm., 1984. S. 198 ff.; dazu J.Habermas, *Über Moralität und Sittlichkeit*, in: Schnädelbach, 1984. S. 218 ff.

смыслового понимания, которые я пытался обосновать на основе внутренней связи значения и значимости (*Geltung*)¹¹.

Насколько я могу видеть, речь в этих случаях идет о возражениях, которые, скорее, должны дать мне повод для уточнения и дальнейшего развития моих тезисов, чем для корректуры ошибок¹². Поэтому новое издание появляется без изменений; я добавил только две подготовленных для американского издания поправки (т. I, стр. 370 и 426) и дополнил некоторые указатели литературы.

Два особых возражения, которые мне кажутся справедливыми, я хотел бы, по меньшей мере, упомянуть. И.Бергер¹³ в связи с положением о колониализации обратил мое внимание на излишнюю односторонность. Явления, которые сегодня привлекают внимание того, кто ставит времени диагноз (*Zeitdiagnostiker*), не позволяют ни в коем случае объяснить коммуникативно рационализированные жизненные миры только через системно индуцированные нарушения (*Störungen*); более того, императив жизненного мира, со своей стороны, разлагает блокировки, присущие капиталистической экономической системе, основанной на нейтрализации окружающей среды. Я, из-за поставленной перед собой цели по осмысленной переформулировке марксова понятия реальной абстракции, слишком глубоко погрузился в размышления по поводу диагноза времени, и поэтому аналитический потенциал развиваемых здесь положений не был исчерпан.

Э.Скайе (*Scjei*)¹⁴ указал мне на трудность анализа простых императивов (т. I, стр. 403 и далее). Чтобы понять нормативно неавторизованное действие по требованию «*!р*», недостаточно того, чтобы знать условия выполнения «*р*», то есть знать, что адресат должен делать или позволять делать. Слушатель понимает иллюкутивный смысл требования лишь тогда, когда он знает, что говорящий ожидает возможность импониования слушателю своей волей. Он должен осознать, что говорящий связывает со своим требованием притязание на власть, которое он может основать на используемом потенциале санкций. Поэтому к условиям приемлемости фактического выражения воли наряду с условиями выполнения при-

¹¹ Schnädelbach H. *Transformation der kritischen Theorie*, in: *Philos. Rundschau*, 29, 1982.

¹² Дискурсивную теорию этики я развил меж тем дальше в: Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Ffm., 1983.

¹³ Berger J. *Die Versprachlichung des Sakralen und die Entsprachlichung der Ökonomie*, *Z.f. Soziol.* 11. 1982. S. 353 ff.

¹⁴ Статья Скайе и мой ответ на нее появились в: *Inquiry*. 28. 1985. № 1.

надлежат также и условия, связанные с санкциями. Они не вытекают, разумеется, из содержания значения самих иллокутивных актов; потенциал санкций всегда связан с речевым действием только случайным или внешним образом. Это обстоятельство побудило меня предположить, что такие простые императивы должны рассматриваться тем же способом, что и перлокутивные акты (Perlokutionen) (т. I, стр. 439). Но тогда иллокутивные акты, к которым, без сомнения, принадлежат императивы, должны были бы быть охвачены связями стратегического действия, и это должно было бы привести к парадоксальному последствию: при исполнении таких императивов: говорящий должен был *в одном и том же отношении* быть в состоянии действовать с ориентацией на согласие и с ориентацией на успех. В своем ответе Скайе я наметил путь, на котором я надеялся преодолеть эту трудность¹⁵. Следуя предложению Клауса Шюллера, я дополнил указатель содержания подробным обзором, который должен облегчить читателям ориентацию. Этой же цели служат вышедшие тем временем «Наброски и дополнения к теории коммуникативного действия».

Франкфурт, май 1984 год.
Ю.Х.

Перевод А.Б.Рахманова

¹⁵ Верно то, что благодаря простым императивам достигается координирующий действия связующий эффект по отношению к притязаниям на власть, но не притязаниям на значимость; но было бы неправильно анализировать функционирование этих притязаний на власть по образцу стратегического влияния на контрагента (einen Gegenspieler). Только в *исключительных случаях* происходит императивное волеизъявление на основе только лишь простого подчинения силе грозящих санкций. В обычной ситуации простые императивы функционируют полностью в *рамках* коммуникативного действия, потому что властная позиция, на которой говорящий основывает свое возникшее благодаря императиву притязание, признается адресатом — и даже тогда признается, когда эта позиция основывается на фактически привычной власти, и, во всяком случае, явно не на нормативном авторитете. Итак, я хочу сделать убедительной ту мысль, что нельзя осуществить строгое разграничение между нормативно авторизованными и простыми императивами, что, более того, существует неразрывность между фактически привычной и преобразованной в нормативный авторитет властью. Тогда, собственно, *все* императивы, которым мы приписываем иллокутивную силу, позволяют анализировать себя по образцу нормативно авторизованных требований. То, что я ошибочно считал категориальным различием, сводится в этом свете к различию в степени.

† Из истории социальной мысли

Р.А.ЗОЛОВОИЦКИЙ

СОЦИОМЕТРИЯ Я.Л.МОРЕНО: МЕРА ОБЩЕНИЯ

«Мы рассматриваем социометрию как метод, который при последовательном и широком применении поднимает нашу науку из состояния общественно-научной астрологии на высоту астрономии».
Леопольд фон Визе¹

Усвоение через забвение

Социология должна изучать и изменять *общение*. Общение как объект, как процесс и как результат (реальность). Люди, субъекты, общаясь, создают *общую реальность*. Социологи должны видеть, как сообщаются между собой субъективности субъектов, то есть *реальность общения*, и участвовать в организации этого общения, в *социальной организации*. Любая субъективность (собственная или перенесенная кем-то на субъекта) — это *социальное качество*. Спонтанный выбор субъекта, имеющего социальные качества, для общения — это *социальное количество* (плюс ситуация, дистанция и др.). Измерять отношения, регулировать общение, дистанцию, границы, лечить сообщества, социальную организацию и прочие может *мера общения* — наиболее точный перевод понятия «социометрия».

Капризы истории странным образом отделили социометрию от ее отца — *Якоба Леви Морено* (1889 — 1974), создавшего эту школу, а также Американский институт социометрии, и давшего начало социометри-

¹ Von Wiese L.: Kölner Zeitschrift für Soziologie 1, 1948.

Золотовицкий Роман Александрович — директор Института организационной терапии.